

EVROPSKA revija

NAUČNI ČASOPIS EVROPSKOG UNIVERZITETA BRČKO DISTRIKTA

ISSN 2303-8020

UDK: 0/9

GODINA II, VOL 2
BR. 1 (5), 2017.

STUDIJE

Kirill Shevchenko
WORK CULTURE AND BUSINESSES QUALITIES OF RUSSIAN
POPULATION AS PERCEIVED BY CZECH POLITICIAN
KAREL KRAMÁŘ

Mladen Dobrić, Vojislava Grbić, Slobodan Nićin
NOVO ZVANJE RAČUNOVODSTVENE PROFESIJE – FORENZIČNI
KNJIGOVODA

Izet Banda, Senad Gutić
PRIRODNI TURISTIČKI POTENCIJALI U FUNKCIJI EKONOMSKOG
RAZVOJA UNSKO-SANSKOG KANTONA

Admir I. Begović, Adis Puška, Sead Šadić
POVEZANOST PERCIPIRANE KVALITETE USLUGA
BANKE SA RENTABILNOŠĆU I LOJALNOSTI KLIJENATA

Slobodan Nićin, Vojislava Grbić, Eldun Bekrić
PRODUKTIVNOST DANAS

Slavoljub Štrbo
TRANZICIJA

Marko Brčkalo, Željka Gagović
KOMPLEKSNOST EFEKATA JAVNOG DUGA U
BOSNI I HERCEGOVINI

Damir Šarić
POKAZATELJI REALIZACIJE PROGRAMA NAKNADA PLAĆA
ZBOG PRIVREMENE SPRIJEČENOSTI ZA RAD NA
TERET SREDSTAVA ZDRAVSTVENOG OSIGURANJA TUZLANSKOG
KANTONA U PERIODU 2012-2016. GODINE

Шлома Алла Викторовна
БАЛАНСОВЫЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ДВИЖЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

EVROPSKI UNIVERZITET
BRČKO DISTRIKT
BOSNA I HERCEGOVINA



EUROPEAN UNIVERSITY
BRČKO DISTRICT
BOSNIA AND HERZEGOVINA

EVROPSKA REVIJA

ISSN 2303-8020

UDK: 0/9

Br. 1 (5), 2017.

**EVROPSKI UNIVERZITET BRČKO DISTRIKTA
BRČKO, 2017.**

EVROPSKA REVIJA

Izdavač: Evropski univerzitet Brčko distrikta

Adresa: Bijeljinska cesta br. 72 – 74, Brčko

Telefon: +387 49 590 605

www.evropskiuniverzitet-brcko.com

ISSN 2303 – 8020 UDK: 0/9 br. 1 (5), 2017. God.III, vol III

Glavni i odgovorni urednik

Akademik prof. dr Zoran Milošević

Redakcioni odbor

Nedeljko Stanković, Rudika Gmajnić, Drago Tešanović, Halid Žigić, Esed Karić, Izet Banda i Anka Bulatović

Sekretar odbora

Albina Abidović

Savet časopisa

Igor Bogorodicki (Ruska Federacija), Kiril Ševčenko (Bjelorusija), Ahmad Gašamoglu (Azerbejdžan), Danilo Kapaso (Italija), Panagopulos Aleksios (Grčka), Ištvan Laszlo Gal (Mađarska), Zdravko Ebling (Hrvatska), Kadrija Hodžić (BiH), Pantelija Dakić (BiH) i Branisalva Peruničić (SAD)

Prelom i štampa

Markos, Banja Luka

Časopis izlazi dva puta godišnje

Tiraž 200 primeraka

Radove objavljene u ovom časopisu nije dozvoljeno preštamovati, bilo u cjelini, bilo u dijelovima, bez izričite saglasnosti izdavača. Ocjene iznesene u članicima lični su stavovi njihovih pisaca i ne izražavaju mišljenje niti uredništva, niti ustanova u kojima su autori zaposleni

Павлов В.И.

начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

РЕЦЕПЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА НА РУСИ И КОРМЧАЯ КНИГА

АННОТАЦИЯ: В статье исследуется вопрос рецепции византийского права в Древней Руси в составе такого источника византийского права, как Номоканон. Рассматривается процесс различных путей рецепции Номоканона, состав Кормчей книги – древнерусского аналога византийского источника права, особенности содержания русской древнерусской Кормчей книги.

SUMMARY: The article explores the reception of Byzantine law in ancient Russia as a part of the Byzantine source of law as Nomocanon. The process of reception of different ways Nomocanon composition Kormchaia - Old Russian analogue of the Byzantine source of law, especially the content of Russian Old Russian Kormchaia.

Ключевые слова: право, византийское право, Номоканон, рецепция, Русь, Сербия

Key words: law, Byzantine law, the Nomocanon, reception, Rus, Serbia

Введение. Вопросы рецепции византийского права на Руси, в том числе и на белорусских землях, являются малоисследованными в отечественной историко-правовой литературе. Вместе с тем тщательное изучение процесса восприятия на Руси византийской правовой традиции во всех ее составляющих является залогом понимания генезиса отечественной политико-правовой традиции и культуры, которые в институциональной форме берут свое начало с события крещения Руси и глубоких связей с Византией. Как показала в своем искусствоведческом исследовании на многочисленных археологических материалах К.А. Лавыш, формирование художественной традиции, а также в целом культуры древнерусских средневековых городов на

белорусских землях в X–XIV вв. было во многом обусловлено контактами с Византией и с другими странами христианского Востока [см.: 1].

Настоящая статья является продолжением исследования византийского и южнославянского (сербско-болгарского) путей рецепции римского права в Древней Руси. В первом исследовании мы рассмотрели теоретические и историко-правовые вопросы формирования византийской правовой системы и византийского канонического права с тщательным рассмотрением правовой природы и эволюции такого источника византийского права, как Номоканон [2]. В данном исследовании будет рассмотрен сам процесс рецепции византийского Номоканона на Руси с оформлением его в та-

кой источник древнерусского светского и церковного права, как Кормчая книга.

Основная часть. По словам дореволюционного знатока канонического права А.С. Павлова, первые греческие иерархи на Руси¹, пришедшие из Византии при св. Владимире, принесли вместе с собой и византийские канонические книги, действовавшие на тот момент (IX–XI столетия) в Восточной Римской Империи [3, с. 8]. Другой известный дореволюционный канонист М. И. Бенеманский на основе анализа рецепции на Русь византийского источника права «Прохирон» (в славянском переводе получил название «Закон градский»), также обосновывал, что «номоканоны тогдашнего времени (XII век) имели юридическую силу и в вопросах светского права... они содержали уже в себе те гражданские постановления, на основании которых эти вопросы решались в Византии (постановления или из Эклоги, или из Прохирона). И эти постановления известны были в них уже в славянском переводе» [4, с. 20]. Современный исследователь Н.Я. Щапов также отмечает, что «греческими текстами византийских юридических памятников пользовались на Руси митрополиты и епископы – греки по происхождению, бравшие с собой при выезде на Русь наиболее важные книги» [5, с. 50]. Дореволюционный правовед Н.Л. Дювернуа в своем исследовании о праве Древней Руси показал, как древнерусские юристы использовали в своей практике нормы византийских источников права, входивших в состав Кормчей книги [6, с. 311–331]. Он отмечал, что «в эпоху, когда выработалась Русская пра-

вда, мы уже знали все те сборники греческого права, которые находятся теперь в печатной Кормчей книге. Существенное значение для права гражданского и для юристов имеют следующие четыре сборника: 1) Закон Судный людем, 2) Избрание из закона Моисея, 3) ...Эклога, 4) ...Прохирон» [6, с. 316]. В. А. Томсинов полагает, что «не только сугубо религиозные по содержанию тексты, но и те из них, которые содержали светские правовые нормы, воспринимались на Руси в качестве неотъемлемой части христианской традиции» [7, с. 18]. Также нам известно, что уже при великом князе Ярославе Владимировиче на Руси развернулась большая работа по переводу византийской христианской литературы [8].

Русский историк права Д.И. Азаревич отмечал, что на Руси «византийское влияние должно было сильно отразиться на всем развитии нашей гражданственности уже в силу тесных сношений с Византией, обусловленных принятием от нее религии и затем все сторонним влиянием духовенства, в первые времена исключительно греческого в высших слоях представителей, а в остальных членах верного отпечатка выработанного византийского типа» [9, с. VII]. Исследователь особенно акцентировал внимание на специфике византийского канонического права, тесно примыкавшего к гражданскому праву, от которого первое и не могло быть отделяемо и рассматриваемо самостоятельно [9, с. VIII]. Задачу исследования феномена рецепции византийского права для русской юридической науки ученый связывал с утверждением, что именно через византийское право в Древней Руси сформировалось собственное юридическое мироощущение, глубоко пронизанное нормами православной веры, и само изучение византийского права и процесса его рецепции через канонические сбор-

¹ На Руси в домонгольский период служил 21 митрополит, из них только 2 из славян, остальные – греки. Показательно, что вопрос о независимости русской митрополии в связи с желанием русских князей самостоятельно ставить митрополитов в этот период возник лишь один раз при князе Изяславе Мстиславиче.

ники позволит, по словам историка, «защитить нас от культурно-чуждых систем, выработанных – ни больше, ни меньше – на началах чисто римского права (!)» [9, с. IX–X]. Д.И. Азаревич неявно призывает здесь к необходимости различия путей и способов рецепции римского права на Руси: с одной стороны, это *западный путь рецепции* (обычно ассоциируемый с итальянским), который исследователь связывает с «чисто римским» и таящим в себе чуждые в цивилизационно-культурном отношении содержания, с другой – *византийский* (в том числе посредством – *южно-славянского* (в основном *сербско-болгарского*) путь рецепции римского права, который в хронологическом и содержательном отношении более близок и более адекватен отечественной цивилизационно-культурной традиции.

Итак, с самого Крещения Руси начался процесс рецепции византийского права. С этого момента начинается подготовка славянских переводов этих привезенных на Русь греческих источников права. Прежде всего, это Номоканон константинопольского патриарха VI века Иоанна III Схоластика и Номоканон в XIV титулов с Синтагмой канонов [10, с. 73–76, 109; 9, с. 97].

Общеизвестно, что на Руси Номоканон получил наименование «Кормчей книги» [об истории Кормчей книги см.: 10, с. 109–126; 11; 13, с. 216–225], которое выступало славянским языковым аналогом греческого слова «*Νομοκανών*». А.С. Павлов приводит четыре аргумента в пользу достаточно раннего действия в русских княжествах переводных византийских правовых актов:

1) славянские выдержки из синтагмы упоминаются в «Вопрошаниях Кирика» [14, с. 179–180; 15; 16, с. 180–227] – древнерусском памятнике духовной

литературы XII века (позже вошел в Русскую редакцию Кормчей);

2) в описи имущества от 1142 года русского скита Ксилургу на Святой Горе Афон значится один Номоканон на славянском языке (росѣика βѣβλѣа);

3) в XVI веке новгородский монах Зиновий использовал нормы славянского Номоканона времен князя Ярослава Мудрого против еретика Феодосия Косого;

4) сохранившиеся подлинники переводных Номоканонов еще до получения Сербской Кормчей во второй половине XIII в., в которых используются еще византийские редакции до константинопольского патриарха Фотия, принадлежащие переводам апостола славян св. Мефодия [17, с. 100] конца IX века (Мефодиевский Номоканон [18, с. 6]).

К.А. Максимович также обосновал, что ряд титулов и глав Эклоги, равно как и Номоканон в L (50) титулов перевел в Моравии св. Мефодий, после чего позднее эти акты через болгарское и сербское посредничество оказались на Руси уже в XI веке и сохранились в составе Кормчих книг [19, с. 37; 20].

Дореволюционные канонисты (А.С. Павлов, В.Н. Бенешевич, И.С. Суворов), а более определенно – Я.Н. Щапов согласны в хронологическом выделении *3-х этапов рецепции византийского права на Русь*.

Во-первых, это *Древнеславянская Кормчая XIV титулов XI века* [см.: 21], в частности, дошедшая до нас Ефремовская редакция Кормчей [см.: 22]. Это самое первое проникновение на Русь и перевод на славянский язык византийского источника права, принесенного вероятно первыми греческими иерархами (славянский перевод Древнеславянской Кормчей выполнен еще до крещения Руси просветителями славян, возможно св. Мефодием в Моравии в IX веке, либо его учениками в Болгарии в первой поло-

вине X века). Эта древняя Кормчая применялась на Руси без правил патриарха Фотия и без толкований византийских канонистов [23, с. 80].

Во-вторых, это *Сербская редакция Кормчей свт. Саввы Сербского*, созданная на Афоне в XII веке, по мнению некоторых ученых – переведенная на славянский язык русскими монахами-святогорцами [24, с. 86], и по запросу митрополита Кирилла II присланная уже в более поздний период в 1262 г. из Болгарии, где она действовала в качестве источника права.

В-третьих, наконец, *Русская редакция Кормчей конца XIII в.*, источник права уже времени монгольского нашествия на Русь, в различных переработках и редакциях действующий в каноническом праве церкви (наряду с «Книгой правил» 1816 г.) и по сей день (печатная Кормчая патриарха Иосифа 1653 г. [25]).

Кроме того, по характеру и содержанию обработки и интегрированию рецепированного юридического материала исследователями выделяются и *различные направления рецепции византийского права на Русь*. В частности, это:

1) сокращение и переработка применительно к местным условиям византийского сборника (в Ефремовской редакции Кормчей),

2) включение норм византийского права в местные и другие памятники русского права (Уставы Владимира и Ярослава, Книги законные, Мерило праведное и др.),

3) создание русской редакции Кормчей посредством включения в нее разнородных пластов греческого и местного русского, в том числе княжеского права [14, с. 234–254].

Следует подчеркнуть, что Русская редакция Кормчей, по сравнению с византийскими и южнославянскими Номоканонами, отличалась большей насы-

щенностью разнородным юридическим материалом, поэтому она как правовой акт не имела аналогов в христианском мире, носила творческий характер и имела целью приспособить рецепированное законодательство для нужд развития именно древнерусского государства.

Характеризуя рецепированное византийское право на Руси в составе Номоканона, или, Кормчей книги [общий обзор различных списков Кормчих книг и их содержания см.: 26–29], следует сказать, что она, как и византийские источники права, содержала в себе различные пласты правовых норм из различных отраслей права, находившихся на тот момент в церковной и гражданской юрисдикциях.

Так, в первоначальную *Древнеславянскую Кормчую* – т.е. фактически в рецепированный правовой акт, действовавший сразу после Крещения Руси, помимо византийского сборника Иоанна Схоластика в 87 главах и Номоканона в XIV титулов, были рецепированы части из следующих светских источников византийского права:

- «Эклоги законов» византийских императоров Льва Исавра и Константина Копронима 741 г. [30; 31];
- «Прохирона», изданного в Византии между 870 и 879 гг.;
- «Закона судного людем» (Судебник царя Константина) – греко-болгарского источника, также включавшего в себя нормы Эклоги наряду со статьями местного происхождения [30; 31]².

² Относительно «Закона судного людем» А.С. Павлов высказывал предположение, что разные редакции этого источника предназначались для светских и церковных судей соответственно, о чем свидетельствуют различные санкции за те или иные правонарушения в разных редакциях Закона, а также то, что некоторые редакции были соединены с Русской Правдой в один источник [23, с. 95, 98-99].

В дошедшем до нас Ефремовском списке древнеславянской Кормчей из Прохиона и Эклоги были воспроизведены, в частности, правовые нормы 1) об определении спорных степеней родства и свойства, препятствующие браку (титул 7) [32, с. 205], 2) о судьбе имущества, поступающих в епископство и монашество (главы 1-4 титула 24), 3) о поставлении епископов и священников, 4) об определении физического и духовного родства [5, с. 49].

Наиболее распространенный на Руси, продолжительно действовавший особенно в западнорусских и южнорусских землях, реципированный свод византийского права – *Сербская Кормчая*, вступившая в силу после утверждения ее на Соборе во Владимире-на-Клязьме в 1274 году, включала в себя следующие византийские источники права:

- сборник Иоанна Схоластика в 87 главах;
- Эклогу;
- Прохион;
- новеллы византийского императора Алексея Комнина XI-XII вв. в сфере брачно-семейного права.

В этом списке Кормчей Прохион был полностью переведен на славянский язык и помещен под главой №55 с названием Закона градского – «Закона градстаго главы различны в четырех десятих гранех, от них же 28-я о поставлении епископов и презвитер» [14, с. 242].

Сербская Кормчая представляла собой последнее достижение канонической и юридической мысли существования христианского государства. По словам Я.Н. Щапова, «она включала не только все основные и признанные в константинопольской патриархии авторитетными правила и юридические компиляции..., но и толкования-комментарии

выдающихся константинопольских юристов XII в. – Иоанна Зонары и Алексея Аристина к соборным правилам IV–VIII вв., связывающие их архаичные нормы с условиями деятельности византийской церкви того времени» [14, с. 241–242]. Сербская Кормчая митрополита Кирилла II в 1280-е гг. начала действовать во всей Киевской митрополии, в том числе в западнорусских епархиях, т.е. на современных белорусских землях [33, с. 25].

В самую позднюю, *Русскую редакцию Кормчей*, входили правовые нормы, распределенные на 2 комплекса: первый включал в себя правовые нормы, взятые из Сербской Кормчей и ранней древнерусской Ефремовской Кормчей, второй комплекс – это разнородные по содержанию вне строгого принципа распределения статьи с нормами местного права.

Помимо сугубо церковных правил – правил апостольских и соборных правил, правил свт. Василия Великого – хотя и в этих правилах содержались и правовые нормы в области правовой регламентации, которую бы мы сегодня назвали областью административно-правового регулирования (например, осуждение и запрет злоупотребления спиртными напитками), в этот комплекс вошли нормы 3-х важнейших византийских юридических компиляций:

- Собрание в 87 главах Иоанна Схоластика (из Ефремовской редакции);
- Собрание постановлений из кодификации Юстиниана (известный нам *Corpus Iuris Civilis*) – Кодекса, Дигест и Новелл;
- «Закон Моисеев» – компиляция VIII века на основе юридического материала библейских книг.

Во второй, менее систематичной части, содержатся нормы брачно-семе-

йного права, в частности, правовые нормы об обручении, имущественных отношениях между супругами, о расторжении брака, осуждение 4-го брака, запрет симонии, брака в четвертом колене родства и др. [14, с. 166–171]. В Русскую Кормчую также вошли нормы гражданского и наследственного права – порядок передачи движимого и недвижимого имущества при жизни и по завещанию (Глава 12).

Помимо Кормчей книги, рецепированные византийские нормы закрепляются и в княжеском законодательстве, в частности, в *Уставе Владимира Святославича* о десятинах и церковных людях, а также в *Уставе Ярослава Мудрого* о церковных судах [34]. Так, в Устав Ярослава в Пространной редакции (конец XII – начало XIII вв.) входят нормы брачно-семейного права (институт развода), аналогичный 11 титулу Прохирона (Главы 5-10). Эти правовые нормы напрямую заимствованы из греческого текста Прохирона, включившему в себя 22 и 117 Новеллы Юстиниана о т.н. «винах жен», являющихся основаниями для развода по вине жены [30, с. 79; 34, с. 248–254, 257].

Вообще, как отмечает Я.Н. Щапов, «обращает на себя внимание очень большой объем юрисдикции церкви на Руси, как он отразился в княжеских уставах и негативно в Русской Правде. По количеству дел церковное судебное ведомство вторгалось в жизнь древнерусского населения не менее часто, чем княжеское. Через епископского волостителя или тиуна проходила масса бытовых конфликтов, связанных с жизнью семьи, а также все дела, обусловленные заменой традиционных общинных брачных норм и обычаев на новые нормы...» [34, с. 309]. А.А. Дорская в связи с исследованием русского канонического права замечает, что «все источники канонического права на Руси всегда соответствовали госу-

дарственным постановлениям» [35, с. 38]. Государственное законодательство – великокняжеские Уставы, а также Русская Правда – с конца XIII столетия входит в Кормчие книги [14, с. 247].

Л.И. Милов на основании сопоставления номинаций светских законов титула XVII Эклоги (в древнерусском переводе) с соответствующими номинациями Правды Ярослава показал, что древнерусскими юристами при создании Древнейшей Правды византийская Эклога была использована в качестве основы для рубрикации статей уголовного права с учетом местных реалий [36, с. 213–219]. Исследователь отмечает, что крещение Руси поставило общество перед необходимостью принять не только христианские догматы, но и тщательно разработанную обширную систему церковного и переплетающегося с ним светского права, касающуюся не только всех слоев клира, но и мирян, особенно в сфере семейно-брачных отношений, наследственного, жилищного права и т.п. Стремясь упрочить положение церкви на Руси, византийские миссионеры из высших кругов церковной иерархии предприняли решительные шаги и в области рецепции римско-византийских юридических основ социального бытия. Отлично понимая глубину цивилизационных различий византийского и древнерусского социумов, епископы Владимира Святославича прибегли к помощи уже устаревших византийских юридических кодификаций. Причем к практической реализации их на русской почве привлечены были наиболее простые, более доступные варварскому, в их глазах, народу, области права, прежде всего, уголовное право (титул XVII Эклоги) [36, с. 218–219].

Помимо Кормчих книг и княжеских уставов, на Руси также было широко распространено действие иных юридических сборников и компиляций, включа-

вших в себя реципированное византийское право. Так, важное место в юридической практике принадлежало написанной духовным лицом для княжеского суда компиляции «*Книги законные*, ими же годится всякое дело исправляти всем православным князем» (конец XII-начало XIII вв.) [37], из 202 статей которой 114 заимствованы из Прохирона. В частности, из брачно-семейного права (закон «О разделении браков») – институт заключения и расторжения брака (гл. 26 и 27 титула 4, глава 4 титула 5, глава 28 титула 7, титул 11), из уголовно-процессуального и административно-процессуального права (Главы «О посулах») – нормы о свидетелях (титул 26), из уголовного и уголовно-исполнительного права (закон «О казнях») – нормы о наказаниях (титул 39, глава 2 титула 26) [38, с. 275]. Кроме Прохирона, в «Книги законные» вошли нормы византийского Земледельческого закона (83 статьи) и Эклоги (введение и 5 статей) [39; 5, с. 50]. Я.Н. Щапов отмечает, что «“Книги законные” составлены из готового византийского материала, в них не включена ни одна статья (!) из славянских памятников права» [40, с. 94]. Предисловием «Книг законных» является самая последняя часть предисловия к Эклоге в готовом виде – о реализации принципа независимости судей и недопустимости коррупции (мздоимства) [40, с. 95]. Н.А. Заозерский обращает внимание, что «Книги законные» охватывают практически всю гражданскую юрисдикцию и все отрасли права: так, в части норм земельного устава он охватывает земельное право – отношения между членами сельской общины, ответственность за хищение сельскохозяйственных орудий, рабочего скота, жита, плодов, съестных припасов и др., ответственность за захват чужого имущества и посева, за порубку и поджог чужого леса, ответственность па-

стухов за вверенный им скот и др. [37, с. 32; 41, с. 413].

Помимо «Книг законных», византийское право на Руси нашло отражение и еще в одном важном источнике для светского правового регулирования – «*Мериле праведном*» [42] – двухчастном юридическом сборнике и одновременно пособии для судопроизводства.

«Мерило праведное» было важнейшим сборником и практическим пособием для светского княжеского суда, по сути – нравственным наставлением и юридическим руководством для судей не церковной, а государственной юрисдикции, составленным, однако, духовным лицом. По своему содержанию «Мерило праведное» очень схоже с Кормчей книгой [43]. В «Мерило...» – а оно, несомненно, выступало в качестве источника права, – помимо сугубо церковных памятников византийского права вошли различные правовые положения (в том числе положения Русской и Сербской Кормчей) – новеллы императоров Юстиниана и Алексея Комнина, Закон Моисея в части о наказаниях, впервые целиком Прохирон (включая 39 титул «О казнях»), а также Эклога [44], пространная редакция Русской Правды, Устав князя Владимира и другие произведения [14, с. 154–155]. В первой части сборника (предисловии) содержатся поучения к князьям и судьям о понятии праведного судьи, поучения, направленные против неправедных судей и князей [45], которые выступают своего рода теоретическим вступлением ко второй части сборника [46]. Предисловие представляет собой последнюю часть Предисловия к Эклоге, в нем осуждается получение платы за судопроизводство со сторон спора, провозглашается принцип законности (необходимость суда по закону), а также говорится о вознаграждении праведного судьи от Бога, об ответственности его

перед Богом (в греческом тексте Эклоги, однако, говорится о вознаграждении судей установленным жалованием из казны [39, с. 208], древнерусское же право жалования судьям из казны не знает).

Регулятивное значение в древнерусском праве имели и т.н. *епитемийники* [10, с. 80–83] – канонические сборники специального характера, в которых устанавливалась духовно-дисциплинарная ответственность (дисциплина церковных покаяний) за различного рода проступки, которые в древнерусском обществе нередко выступали одновременно и как правонарушения, и как грехи. В частности, известность получил епитимийный Номоканон константинопольского патриарха Иоанна IV Постника (582-595 гг.) [47]. Сборник древнерусских епитимийников, в которых формулировались составы духовно-дисциплинарных проступков (грехов), собрал дореволюционный специалист по проблеме церковного покаяния С.И. Смирнов [48].

Особенность духовной дисциплины, церковно-правового регулирования по отношению к светским источникам права заключалась в ее антропологической направленности. Церковь, рассматривая то или иное правонарушение как грех, прежде всего, желала не только реакции на правонарушение, но и уврачевания, исправления грешника, чему соответствовали и церковные наказания (епитемии). Эта особенность византийской, равно как и древнерусской правовой системы обуславливала влияние и на светское право христианских гуманистических начал. Так, в епитимийнике под названием «Покаянье» мы находим следующие проступки: (7) «или сироту бил без вины. епитимья 3 недели», (10) «И дитя ци продалъ еси имея. епитимья 15 лет. аще ли не имея. то 5 лет», (11) «и челядина оубил будешъ. епитемии 3 лет»

[49, с. 141–142]. В другом епитимийнике «Правило с именем Максима», например, определяются следующие проступки: (45) «Аще кто с недно что украдетъ. 7 дни поста. аще ли нарочито. 6 недель поста», (49) «Оубийца по закону умре. а еже по святаго Василия плакати. 8 лет сухо ясти и не комкати [*не Причащаться – В.П.*]. мы же се правило повелехом. 3 лет», (52) «Аще кто да зажжет или гумно. или в пожаре грабит. да покается лето едино от хлебе и от воде» [50].

В случае совпадения светских и духовных составов правонарушений, наложении епитимии сопровождалось юридической ответственностью за содеянное, хотя если правонарушение подпадало под церковную юрисдикцию, либо дело передавалось церкви, ответственность могла наступать как по Номоканону, так и сугубо по покаянным сборникам, которые, как видно из приведенных примеров, в целом соотносились с церковным правом.

Заключение. Таким образом, следует сказать, что значение Кормчей книги, а также иных источников древнерусского права, реципированных из права византийского, сыграло огромное значение для формирования русской правовой традиции. Само содержание реципированного византийского Номоканона для развития древнерусского общества и молодого государства было не только прогрессивным с юридико-технической стороны средством, но и мощнейшим цивилизационно-культурным фактором формирования юридического мироощущения, правового сознания и правовой культуры древнерусского населения. Нет сомнений в том, что молодая древнерусская правовая культура восприняла из византийской правовой традиции не только сугубо церковные установления, но и светское римско-византийское право, однако это восприятие имело место в

контексте принятия от Византии православной веры и культуры, что и определило в дальнейшем специфику форми-

рования нашего общества, права и государства.

Список цитированных источников:

1. Лавыш К.А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.) / К.А. Лавыш. – Минск : Белорус. наука, 2008. – 208 с.
2. Павлов В.И. Особенности формирования византийской правовой системы и византийского канонического права в контексте проблемы определения путей рецепции римского права на Руси / В.И. Павлов // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск: СтройМедиаПроект, 2016. Вып. 11. – С. 62–71.
3. Максимович К.А. Паннонские юридические памятники в древнерусской книжности : автореф. дисс. ...доктор филолог. наук : 10.02.01 / Максимович Кирилл Александрович. – М., 2007. – 47 с.
4. Бенеманский М.И. Закон градский. Значение его в русском праве. М. : Печатня А. Снегиревой, 1917. – 476 с.
5. Шапов Я.Н. Прохирон в восточнославянской письменности // Византийский временник. Т. 38. Москва., 1977. – С. 48–58.
6. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России: Опыт по истории русского гражданского права / Дювернуа Н. – М.: Унив. тип., 1869. – 416 с.
7. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2009. – №4. – С. 3-26.
8. Повесть временных лет: Стлб. 151-152 // Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Л. : Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1. Вып. 1: Повесть временных лет АН СССР, 1926. – 151 с
9. Азаревич Д.И. История византийского права: Том 1. Часть 1. Ярославль, 1876. – 118 с.
10. Павлов А.С. Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. – 539 с.
11. Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб, 1905. – 334 с.
12. Суворов Н.С. Курс церковного права. Т. 1. Ярославль, 1889. – 369 с.
13. Цыпин В. Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 864 с.
14. Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII веках / Я.Н. Шапов. – М. : Наука, 1978. – 289 с.
15. Гиппиус А.А. "Русская Правда" и "Вопрошание Кирика" в Новгородской Кормчей 1282 г. (К характеристике языковой ситуации Древнего Новгорода) // Славяноведение и балканистика 1996. – №1. – С. 48-62;
16. Смирнов С.И. Древнерусский духовник. М.: ПСТГУ, 2004. – 560 с.
17. Житие св. Мефодия // Сказания о начале славянской письменности / [АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики]; [Отв. ред. д. ист. н. В.Д. Королюк Вступ. статья, пер. и коммент. Б.Н. Флори]. М.: Наука, 1981. – С. 93–102.
18. Белякова Е.В. Кормчая как сборник // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Том 10, №8. – С. 5–14.
19. Максимович К.А. Древнейший памятник славянского права «Закон судный людем»: композиция, переводческая техника, проблема авторства // Византийский Временник. Т. 61(86). 2002. – С. 24–37.
20. Максимович К.А. Рецепция римского права в Византии. Понятие византийского права // Интернет-ресурс «Православная энциклопедия» (Электронная версия) Режим доступа : <http://www.pravenc.ru/text/372678.html>. Дата доступа : 22.02.2016.
21. Бенешевич, В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. Вып. 1-2 / Труд В.Н. Бенешевича. - СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. АН, 1906. – 464 с.
22. Максимович К.А. Древнерусская Ефремовская кормчая XII в.: локализация перевода в связи с историей текста // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. – С. 102–113.

23. Павлов А.С. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869. – 100 с.
24. Цыпин В. «Кормчая книга» в русском церковном праве // IVS ANTIQUUM. Древнее право. 1997. – 1 (2). – С. 86–89.
25. Белякова Е.В. К вопросу о первом издании Кормчей Книги // Вестник церковной истории. – 2006. – № 1. – С. 131–150.
26. Срезневский И.И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги : С прил. фототип. снимка из Ефрем. Кормчей. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1897. – 206 с.
27. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / Предисл. А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 896 с.
28. Корогодина М.В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII вв. как исторический источник: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования СПб., 2015. – 39 с.
29. Ключевский В.О. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка // Ключевский В.О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. – С. 322–342.
30. Шапов Я.Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2011. – 240 с.
31. Чворович З.Р. Регламентация семейной собственности в восточноримском источнике права «Эклога» // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2012. Вып. 23. – С. 94–105.
32. Бенешевич В.Н. Синагога в 50 титулов и другие канонические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914. – 345 с.
33. Петрушко В.И. Митрополит Кирилл Киевский и всея Руси II и его деятельность по возрождению церковной жизни Руси после монгольского нашествия // Вестник ПСТГУ. – 2013. – Вып. 3 (54). – С. 7–28.
34. Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. – 338 с.
35. Дорская А.А. Эволюция места канонического (церковного) права в системе права России // Юриспруденция. М.: Изд-во РГГУ, 2010. – № 2 (18). – С. 37–43.
36. Милов Л.В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. – № 1. – М. 1996. – С. 201–220.
37. Павлов А.С. Книги законные, содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1885. – 92 с.
38. Бондаренко Ю.В. К проблеме рецепции византийского права в древнерусском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – №4. – С. 274–276.
39. Шапов Я.Н. Эклога в составе компиляции «Книги законные» // Он же. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2011. – С. 205–210.
40. Шапов Я.Н. Эклога законов в русской письменной традиции // Византийский временник. Т. 54. Москва, 1993. – С. 93–104.
41. Заозерский Н.А. К истории номоканона в Византии и древней Руси // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1886. Ч. 37. Кн. 1. – С. 412–427.
42. Мерило праведное : По рукописи XIV века / Издано под наблюдением, со вступ. ст. М. Н. Тихомирова. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 698 с.
43. Вершинин К.В. «Правило черноризцем»: к изучению связи Мерила Праведного с Кормчей русской редакции [Текст] / К. В. Вершинин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015. – № 2. – С. 36–48.
44. Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги) // История СССР. – 1976. – № 1. – С. 142–163.
45. Кофанов Л.Л. «Мерило праведное» и понятие «праведный судья» в римском и древнерусском праве // Религии мира: История и современность / Научн. совет «Роль религий в истории», ИРИ РАН 2012 / отв. ред. Е. В. Белякова, А. В. Назаренко. М.; СПб. : Нестор-История, 2012. – С. 239–245.
46. Николаев Г.А. «Мерило праведное» (Заметки о составе памятника) // Православный собеседник. Казань, 2007. – Вып. 1 (14). – С. 73–83.
47. Заозерский Н.А. Номоканон Иоанна Постника в его редакциях: грузинской, греческой и славянской : С предисл. изд. / Н.А. Заозерский и А.С. Хаханов. М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. – 96 с.
48. Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины : [Тексты и заметки] / С. Смирнов. — М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1912. – 568 с.

49. Покаянье // Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины : [Тексты и заметки] / С. Смирнов. — М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1912. — С. 141–142.
50. Правило съ именемъ Максима // Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины : [Тексты и заметки] / С. Смирнов. — М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1912. — С. 51–54.